

Моя личная война за право жить

*Мой прадед – это олицетворение
достойного человека и образец для подражания.*

*Мне не довелось встретиться с ним,
но я точно знаю – эту историю
я расскажу и своим детям.*

Я родился на Кавказе 25 февраля 1925 года. Назвали меня Андреем. Мама работала швеёй, а батька пастухом. Как же я любил путаться под его ногами и наблюдать за коровами и овцами, что он пас. Я всем сердцем обожал своего отца. Он был простодушный и весёлый, с ним никогда не было скучно. Мне всегда хотелось быть похожим на него.

Учился я в церковно-приходской школе. И как-то раз мне дед прислал Библию. Помню, всё свободное время я проводил за ней, читал, не отрываясь, и мог просидеть так весь день. Ещё я очень любил поэзию Блока. «Ты перед ним — что стебель гибкий,/ Он пред тобой — что лютый зверь...»

Всё было бы хорошо. Но когда мне исполнилось 7 лет, в нашей семье случилась беда, умер отец, и остались мы втроем: мама, Анька и я.

Мне пришлось идти работать на завод, оставшись единственным мужчиной в семье. Да, я обожал писать стихи, но работа на заводе убила во мне поэта. Главное для меня было, чтобы мама и сестрёнка были сыты, да и я не голодал.

22 июня 1941-й... Началась война. Мне было 16. Все мужики из села и Мишка, мой друг, ушли на фронт, а я всё никак не решался, боялся, хотя очень хотел бить врага, хотел, чтобы Анька и мама были в безопасности. А боялся я тогда в основном из-за фамилии. Она немецкая. И мне было очень страшно, что нашу семью расстреляют, но огонь внутри меня полыхал, и ненависть к фашистам разгоралась всё сильнее и сильнее.

Ближе к осени я всё-таки решился испытать свою, точнее нашу судьбу. Мама всячески уговаривала не идти туда, но меня уже было не остановить.

Когда я пришел в призывной пункт, помню, как сильно билось моё сердце. Мне казалось, что оно готово было выпрыгнуть наружу и скрыться где-нибудь, лишь бы не испытывать такого волнения.

Моё дело рассматривали около двух дней, всё это время я был словно на иголках.

Как сейчас помню, это был понедельник, 2 сентября 1941 года. Меня, маму и Аньку вызвали в штаб. Тут мне стало ещё страшнее. Нам объявили, что мы внесены в список «сомнительных фамилий» и Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев», вроде бы так он назывался, мы должны были покинуть наше родное село и переехать в спецпоселение, которое располагалось в Казахстане. Анька тогда ещё ничего не понимала и думала, что мы едем на море. Я очень переживал за неё. Как она перенесёт эти события, как будет себя чувствовать на новом месте, не будет ли она голодна. Но ещё больше я переживал за маму. Она стала хворать, отказывалась есть и постоянно плакала. А я теперь всё время себя винил. Именно я подверг её переживаниям и страданиям. Я виноват во всех этих муках.

Моя мама была настоящей патриоткой. Она с детства передала и мне, и Аньке любовь к родине. Но сейчас мама считала меня «изменщиком» Родины. Я пытался объяснить ей, что это из-за немецкой фамилии нас посчитали разведчиками немцев, но мама просто меня не слушала.

По времени дорога в Казахстан заняла около двух месяцев. Это были самые худшие, тяжёлые и болезненные два месяца в моей жизни. Мы ехали в поезде, сидели на холодном полу, и мама, и Анька всё время кашляли. Я старался отдавать им всю свою еду, хоть как-то согревать их и подбадривать. Был готов на всё, лишь бы моим родным было хоть немного лучше. Но настроение и самочувствие мамы становилось всё хуже, да и Анька совсем приуныла. Сколько будем ехать, где будем останавливаться - никто ничего не говорил, нас везли, везли и везли.

Поезд был полностью наполнен такими же «изменщиками» Родины, как и мы. Здесь ехали дети и младше Аньки, на тот момент ей было 13 лет. Я с ужасом смотрел на всё происходящее и молился.

20 октября 1941 года мы прибыли в спецпоселение. Местные жители встретили нас очень холодно. Многие боялись, а некоторые даже обходили нас стороной и крестили. Я не понимал, за что они с нами так. Ведь никакого зла мы им не делали.

В этой чужой для нас стороне я часто вспоминал наш дом на Кавказе. Он хоть и был небольшим, зато каким уютным. У нас был небольшой сад, где росли разные кустарники и деревья. Во время их цветения воздух становился ароматным и вкусным. Перед домом стоял забор, полностью обвитый виноградом. Под окнами красовалось большое количество маминых пёстрых цветов, за которыми она с любовью ухаживала. Каждая частичка нашего дома была овеяна теплом и счастьем. Когда мама вспоминала о доме, у неё глаза наполнялись слезами, но не слезами горя, а слезами тихого счастья. Я очень скучал по родным местам и надеялся, что когда всё закончится, мы с мамой и Анькой сразу поедem обратно домой, на Кавказ. Сейчас же мы жили в одном доме с семьёй, как и мы, «политически опасной».

Конечно, чтобы выжить, надо было работать. Но в работе мне везде отказывали, пришлось искать подработку: помогал пастухам пасти скот, чистил дворы у соседей, возил воду, колол дрова, выполнял черновую работу на заводе. Спал я около 2 часов в сутки. Остальное время работал. Мама тоже работала, шила на дому, весь день проводила за швейной машинкой. От перегрузки она очень часто болела, но, несмотря на это, она продолжала шить. Анютка помогала маме по хозяйству: приносила ткани, кормила скот, готовила для нас еду. Вся семья работала без выходных, но денег всё равно не хватало, платили гроши. Я очень переживал за своих родных, ведь кроме мамы и Аньки у меня не осталось никого.

Так мы и жили все военные годы. Часто недоедали, не высыпались, сталкивались с косыми взглядами и недоверием соседей. Лучше бы я на фронте воевал, чем знать, что тебя считают врагом. Но приходилось жить с этим, потому что ты в ответе за близких тебе людей.

И вот наступила радость. Победа! Мы искренне были счастливы, когда слышали по радио о капитуляции Германии. В тот день мама с Анькой приготовили суп на мясе. Не знаю, где они тогда раздобыли мясо, но это был самый счастливый день за последние четыре года. В поселении тоже все радовались, однако при виде нас также воротили носы, как и прежде, но в этот день я не придавал особого значения этим взглядам.

А потом нас обязали освободить дом, так как вернулся его хозяин с фронта. Нам дали комнату в общежитии. Здесь я встретился с Аней, моей будущей женой. Когда закончилась война, мы с ней поженились, и моя семья переехала в её дом. Многие осуждали Аню за то, что она «предала» родину. Но ни я, ни она не понимали, где мы изменили родине? Однако внутри всегда была боль от того, что тебя считают врагом русского народа.

Мечта вернуться на Кавказ в наш уютный и родной дом меня не покидала. И вот в 1946 году я выразил своё желание в письме и обратился в районный штаб по вопросам переселения таких семей, как наша. Каждый день я с надеждой ждал почтальона, ждал, что он принесёт из штаба письмо, в котором будет написано о нашем освобождении. Но так и не дождался. Письмо-то пришло, но в нём сообщалось, что наш дом разрушили, и мы до сих пор не можем выезжать из спецпоселения, так как нас и дальше признавали «политически опасными». Помню, мама тогда очень сильно плакала. Я ничего не мог с этим поделать и продолжал винить себя во всем происходящем.

Потихоньку жизнь всех сельчан и нашей семьи налаживалась. Я всё-таки стал настоящим пастухом, как и мой отец. Старался трудиться честно на благо Родины. В 1954 году у меня родилась прекрасная дочь Верочка. Это было моё сокровище, мой ангел-хранитель.

В феврале 1955 года на основании приказа МВД СССР нас освободили из спецпоселения, но мы остались здесь. Дочка была совсем крохотной, денег на дорогу не было, да и жить на Кавказе оказалось негде, ведь родной наш дом был разрушен. Неизвестность опять пугала нас всех.

После освобождения из спецпоселения нашей семье стало жить немного легче. Я всё также работал пастухом, жена занималась хозяйством, а Верочка росла и радовала нас. Мама жила с нами, а Анька, уже взрослая, стала жить отдельно. Мужчин после военного времени было мало, и она родила двоих детей вне брака. Это считалось позором и, не выдержав, мама отравилась уксусом, после чего мы её похоронили. Я, как и мама, не понимал Аньку, но не осуждал сестру. Считал, что это её выбор, её судьба.

По маме я очень скучал. Цветы у нашего дома, посаженные моей женой, всегда напоминали о ней. Её могилку я тоже засадил цветами, ведь мама очень любила их. Я верил, что она всё ещё со мной, и не мог смириться с мыслью о её смерти. Всегда, когда у меня случались проблемы в жизни, я обращался к небесам, и верил, что мама мне поможет. Так и случалось. Мама помогала мне. Я даже будто чувствовал её тёплые морщинистые руки на своих плечах.

В декабре 1972 года, в один из дней, у меня очень сильно заболел живот, и мы поехали в районную больницу. После долгого обследования у меня обнаружили рак. Силы уходили быстро, и я понимал, что времени осталось немного, поэтому просил дочь об одном, чтобы она помнила и передала своим детям, что «русские немцы» были честными, трудолюбивыми и преданными своей земле людьми. Хотя я и не воевал, но прожил эту войну от начала и до конца. Это моя личная война за право жить. И с ней я справился.

Послесловие

31 декабря 1972 года мой прадедушка умер. 14 апреля 1993 года на основании статей 2 и 3 Закона Республики Казахстан «О реабилитации жертв политических репрессий» Отто Андрей Фёдорович, мой прадед, был признан жертвой политической репрессии и реабилитирован.

Грабо Екатерина, 10 класс